

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИНГВИСТИКА**

УДК 811.111-26

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-7-13

**ИРОНИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ**

© Зухра Аглеева, Игорь Кудряшов

**IRONIC PRAGMATIC EFFECT IN RUSSIAN DIALOGICAL
COMMUNICATION**

Zukhra Agleeva, Igor Kudryashov

The article critically analyzes various approaches to the ironic effect of judgments developed in different linguistic disciplines. In addition to the traditional definitions of irony dating back to antiquity, as well as modern linguistic models, we describe a psychological point of view on this mechanism of influence on the interlocutor. As the analysis shows, all the discussed approaches reflect exclusively monological speech; therefore, they do not provide a holistic view of the communicative functions of ironic judgments in the everyday Russian language usage. In this regard, a dialogical perspective is proposed, emphasizing communicative effects of ironic speech, neglected by the identified models.

The article concludes that in the format of Russian-language communication, irony is used by the speaking subject not so much to avoid direct criticism, a conflict dialogical situation or psychological inconsistencies in the emotional and volitional state of the communication participants, but to play a role of a skillful pragmatic technique that encourages the interlocutor to act for the benefit of himself or others. The basic properties of irony can be attributed to the expression of rhetorical, satirical and heuristic categories. As a rhetorical device, it strengthens the meaning of a statement, as a satirical device it is used to discursively attack the interlocutor's point of view, and its heuristics allows the interlocutor to see that the discussed state of affairs is not as difficult as it seems to be at first glance. Irony is a kind of technical device used for deeply heuristic cognition of objective reality, through which the addressee is confronted with the inconsistencies that surround him/her. Irony acquires illocutionary force through an implicitly expressed negative meaning and, consequently, through the denial of the actual state of affairs.

Keywords: dialogic communication, pragmatics, ironic effect, absurdity, disconnection of the interlocutor's cognitive state

В статье критически анализируются различные подходы к ироническому эффекту суждений, разработанные в разных лингвистических дисциплинах. Помимо традиционных определений иронии, восходящих к эпохе античности, а также современных лингвистических моделей, дается психологическая точка зрения на данный механизм воздействия на собеседника. Как свидетельствует анализ, все обсуждаемые подходы отражают исключительно монологическую речь, а поэтому не обеспечивают целостного представления о коммуникативных функциях иронических суждений в повседневном русскоязычном общении. В связи с этим предлагается диалогическая перспектива, подчеркивающая коммуникативные эффекты иронической речи, которыми пренебрегают выявленные модели.

Делается вывод о том, что в формате русскоязычного общения ирония задействуется говорящим субъектом не столько для того, чтобы избежать прямой критики, конфликтной диалогической ситуации или компенсировать психологические несоответствия в эмоционально-волевом состоянии участников общения, сколько в качестве искусного прагматического приема, побуждающего собеседника действовать во благо себе или окружающим. Базовые свойства иронии могут быть отнесены к выражению риторических, сатирических и эвристических категорий. Как риторический прием, она призвана усилить смысл высказывания, как сатирический прием задействуется для дискурсивной атаки на точку зрения собеседника, а ее эвристика позволяет собеседнику увидеть, что обсуждаемое положение дел не так сложно, как кажется на первый взгляд. Ирония – это своего рода технический прием глубоко эвристического познания объективной действительности, с помощью которого адресат сталкивается с несоответствиями, которые его окружают.

Ирония приобретает иллюкутивную силу через неявно выражаемый негативный смысл и, следовательно, через отрицание действительного положения дел.

Ключевые слова: диалогическое общение, прагматика, иронический эффект, абсурд, разобщение когнитивного состояния собеседника

Для цитирования: Аглеева З., Кудряшов И. Иронический прагматический эффект в русско-язычном диалогическом общении // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 7–13. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-7-13

Иронические высказывания относятся к числу тех лингвистических объектов, которые на многомерной основе освещают некоторые из центральных проблемных узлов в изучении семантики в контексте русскоязычного межличностного взаимодействия. Эти высказывания фиксируют своеобразный зазор между буквальными значениями и скрытыми смыслами, которые активируются адресантом. Несоответствия между буквальной семантикой и подразумеваемым смысловым содержанием проявляют черты сходства с парадоксальными высказываниями. Порождая иронические эффекты, в формате целостного суждения говорящий субъект одновременно инициирует два противоречащих друг другу высказывания. Ср.:

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Фамилия.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Моя?

ПЕРВЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ: Нет, выдающегося австрийского композитора Вольфганга Амадея Моцарта. Ну, чья еще, ну ваша, конечно [1, с. 8].

Столкнувшись с мнимым непониманием задержанного человека, полицейский моделирует иронический подтекст межличностного взаимодействия, фактически нейтрализуя логическую полярность утверждения и отрицания, что, в свою очередь, опровергает действенность реакции собеседника, требуемой в данной ситуации. Ирония порождается за счет того, что отрицание имплицитно утверждает, о чем свидетельствует последующий детализующий сегмент высказывания, реализующий буквальное значение (... *ваша, конечно...*).

Учитывая теоретические концепции, принятые в разных дисциплинарных сферах лингвистики и предопределяемые ими определения языка, можно утверждать, что общепринятого понимания иронии не существует. По этой причине она по-прежнему остается весьма спорной проблемой исследования. Иронический эффект соответствует универсальному прагматическому принципу: «Чем меньше мы говорим, тем больше мы имеем в виду» [2, с. 17]. С точки зрения монологической речи, в центре внимания находятся преимущественно лингвистические механизмы, стоящие за преобразованием заурядных высказываний в иронические суждения [3]. Пер-

вичная коммуникативная функция иронической речи приобретает второстепенное значение. Такая исследовательская позиция фокусируется исключительно на деятельности адресанта, игнорирует собеседника и его реакцию на иронические высказывания. Этот методологический редукционизм неизбежно приводит к чрезвычайно узкому пониманию иронической речи, исключает существенные функции, которые проявляются в формате диалогичности.

Вербально реализуемая ирония становится предметом лингвистических исследований еще в античную эпоху. Римский ритор Квинтилиан задается целью изучить использование иронических высказываний, лингвистические механизмы, которые лежат в основе иронического преобразования словесной семантики. В «Риторических наставлениях» он иронично утверждает, что «мы должны понимать противоположно тому, что на самом деле говорится» [4, с. 89]. В трактате «Об ораторе» Цицерон расширяет эту точку зрения: подразумеваемый смысл не обязательно должен быть полной противоположностью тому, что было сказано [5, с. 37]. Его определение иронических высказываний также предполагает семантические искажения слов, входящих в исходное намерение говорящего. На протяжении длительного времени данная модель иронии играет доминирующую роль в риторике и смежных с ней дисциплинах.

Согласно этой точке зрения, иронический эффект объясняется на основе элементарного риторического механизма: говорящий активирует ироническое содержание посредством особой техники, с помощью которой исходное высказывание преобразуется в его полярную противоположность. Как следствие, семантика производного высказывания в той или иной степени противоречит конвенционально предполагаемому значению [6]. Ирония обуславливается явным преувеличением утвердительной пропозиции высказывания, что приводит к семантическому сдвигу в сферу неявно выражаемого отрицания.

В формате психоаналитической концепции З. Фрейд придерживается сходного понимания техники иронизирования. Говоря о ее функциональных характеристиках, он акцентирует внимание

на эффектах психологической компенсации как для говорящего, так и для собеседника: ирония «дает человеку преимущество, позволяя ему легко избегать трудностей прямого выражения, например, в виде оскорблений. Это доставляет слушателю комическое удовольствие, вероятно, потому, что побуждает к противоречивой трате энергии, которая сразу же осознается как ненужная» [7, с. 94].

Еще одна характерная черта, объединяющая все эти взгляды, заключается в общем предположении, что ироничный говорящий обладает целостным намерением. В результате, если считается, что ироническое высказывание подразумевает две различные интерпретации (то есть основное и дополнительное значение), то эти значения следует трактовать как находящиеся в последовательной связи друг с другом. Соответственно, собеседник должен предположить, что говорящий субъект не может иметь в виду два или более противоречивых значения одновременно. Буквальный уровень иронического высказывания объясняется как трансформация исходной семантики, лежащей в основе высказывания; одно из значений, которое вытекает из иронического высказывания, впоследствии должно быть отвергнуто как гипотетически потенциальное. Тем не менее это предположение остается сомнительным. Зачем адресанту сообщать о том, чего он на самом деле не имеет в виду? Если мы не хотим, чтобы ирония жила своей собственной жизнью, кажется нецелесообразно отбрасывать одно из значений в соответствующем регистре речи.

Согласно другой точке зрения, ироническое высказывание не «используется» говорящим, как при утверждении или реализации вопроса, а интерпретируется как повторное упоминание мнения, первоначально высказанного каким-либо другим индивидом [8, с. 129]. Упоминая это оригинальное высказывание при определенных обстоятельствах, адресант, таким образом, имеет намерение охарактеризовать это другое мнение как смехотворно неуместное или не относящееся к делу.

Ср.: – *Сочувствую тебе. – Спасибо, Света. Ты всегда так мне сочувствуешь. – Да не за что. А что? Плохо сочувствую? Надо еще как-то? Какая-то ирония слышится в твоём ... голосе* [9, с. 35].

Реагирующий собеседник в обобщенном виде повторяет утверждение адресанта. Он не использует это утверждение в том же смысле, что и адресант, а упоминает его. Другими словами, он прибегает к недословной цитации первоначального утверждения с целью показать его неумест-

ность в нынешней ситуации. В контексте диалогического взаимодействия одно из отличий иронического суждения от обычного цитирования заключается в том, что вышеупомянутый характер иронических высказываний не подчеркивается явно. Напротив, ирония лишь косвенно передается собеседнику. Что касается идентификации цитируемых источников, то степень их эксплицитного выражения может варьироваться. Некоторые высказывания являются непосредственными отголосками только что реализованных утверждений, другие – отложенными. Некоторые утверждения имеют своим источником реальные высказывания, другие – мысли и мнения. У одних высказываний обнаруживается реальный источник, у других – воображаемый. Ироническое высказывание – это не более чем косвенная эхочитата, выражающая неодобрение говорящего субъекта исходным стимулом. Реагирующий собеседник может повторить стимулирующее сообщение, чтобы дать понять, что он считает его неверным, неуместным, отвергает его как ложное.

Основная проблема этого подхода остается такой же, как и у традиционных моделей, рассмотренных выше. Помимо аргумента прямой критики, не объясняется, почему в намерение говорящего субъекта входит использование иронического высказывания. Остается неясным, почему адресант эксплицитно не указывает, упоминает ли он высказывание или действительно использует его, как он определяет дистанцию между цитированием и исходным высказыванием. Кроме того, «эхо-ирония» также сводится к непреднамеренному взгляду говорящего, который, хотя и упоминает ироническое высказывание, на самом деле не имеет его в виду.

В период прагматического поворота в лингвистических исследованиях подход к ироническим высказываниям заметно изменяется: языковеды начинают поддерживать идею о том, что говорящий субъект может иметь в виду два намерения одновременно [10]. Как следствие, утверждается двусторонность иронических высказываний. Кодирова иронический смысл, адресант, задавая величину *x*, не отказывается от идеи заставить собеседника осознавать *x* в такой же степени, как и не-*x*. Пренебрежение этим многозначным намерением, желанием принять две изотопии одновременно приводит к смешению риторики и простого перекодирования, к идее о том, что переносный смысл является всего лишь декоративной трансформацией исходного значения. Таким образом, ирония начинает осознаваться не как элементарный прием семантического преобразования, который вкладывает

предполагаемый смысл в противоречивые высказывания, а скорее как сложное целое, состоящее как из переносного смыслового содержания, так и буквального значения.

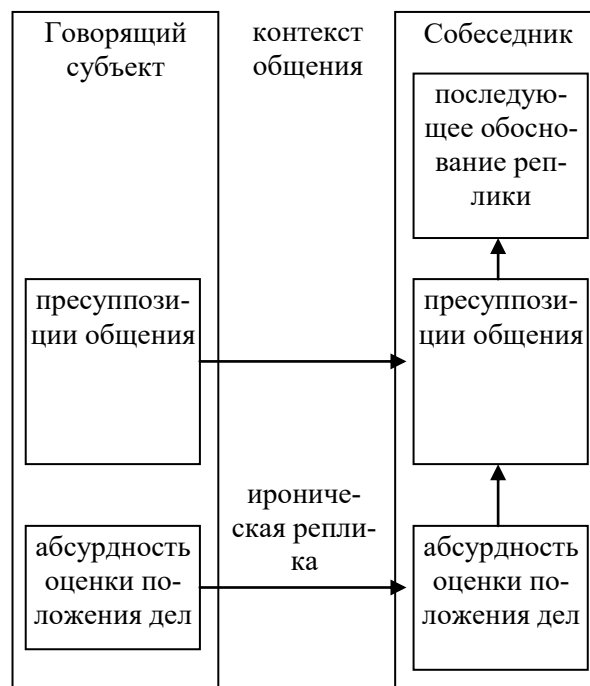
В этой связи считается, что многозначность является одним из основных компонентов иронических высказываний [11]. Их прагматический эффект был бы сведен на нет, если бы говорящий сразу указал диапазон того, что на самом деле имеется в виду. Тогда, конечно, было бы экономичнее прямо выразить то, что имеешь в виду. Смысловое содержание высказывания и его буквальное значение квалифицируются в качестве сущностных компонентов, которые необходимы для того, чтобы ирония действительно производила искомый эффект [12]. Ирония вызывает изменения в иерархии семантических уровней: как только она выявляется, производный смысл возводится в ранг денотативного значения, в то время как буквальное значение преобразуется в своего рода коннотативный след.

Таким образом, очевидно и в то же время отнюдь не противоречиво, что в ироничной речи говорящий субъект имеет в виду несколько намерений и значений одновременно. Вопрос в том, как на самом деле адресант позиционирует себя в отношении конкретных интерпретаций, которые доступны благодаря использованию иронических выражений.

Проанализируем и иной аспект иронических высказываний, а именно их мотивационную роль в дискурсе. В исследованиях, которые были рассмотрены выше, этот аспект игнорируется. Как представляется, причиной этого является то, что прежние подходы к иронии, как правило, сосредотачивались на исследовании отдельных типов иронических высказываний и лингвистических механизмов, лежащих в основе иронической техники восприятия текущего положения дел. Однако, если мы оставим в стороне чисто механическую картину и перейдем к диалогическому осознанию этого феномена, мы обнаружим гораздо больше разнообразных аспектов функционирования иронии. В связи с этим сосредоточимся на мотивационной силе ироничной речи, побуждающей собеседника делать то, что положительно повлияет на него самого или адресата. Для этого мы учитываем образ реципиента иронического высказывания, а также характер его реагирующих действий. Исходя из такой диалогической точки зрения, становится очевидным, что ирония может быть активирована для того, чтобы побудить индивида действовать для своего собственного блага или благополучия других людей. Эта диалогическая модель воспроизводится на схеме 1.

Схема 1.

Реализация иронического высказывания в диалоге

Как показано на схеме 1, в момент диалогического общения говорящий субъект и его собеседник находятся в культурном контексте, обусловленном ситуационными параметрами. Этот контекст порождается на эпистемологической основе предположений, которые являются областями общего знания (пресуппозициями) участников общения. В формате речевого сообщества собеседники могут, в частности, проецировать определенную систему ценностей, которая включает в себя набор стандартных норм ведения беседы и общепринятых убеждений. Если говорящий субъект сообщает информацию, которая явно противоречит актуальной стандартной норме, собеседник наверняка обнаруживает абсурдность, лежащую в основе высказывания адресанта. Учитывая тот факт, что собеседник находится в том же культурном и ситуативном контексте, что и говорящий субъект, он немедленно обнаружит, что стимулирующая реплика не может быть каким-либо образом согласована с универсальной стандартной нормой. Столкнувшись с абсурдом, собеседник попытается устранить несоответствия, созданные говорящим субъектом, отстраняясь от его высказывания. В конце концов, он восстанавливает диалогическое равновесие посредством мотивированного эффекта самодистанцирования, активизирует стандартную норму, соответствующую данной ситуации межличностного взаимодействия. Таким

образом, ироничное высказывание может быть намеренно использовано говорящим субъектом для того, чтобы вызвать саморазобщение собеседника с целью заставить его действовать в соответствии со стратегиями поведения, направленными на получение выгоды для себя или третьей стороны.

На этом этапе мы хотели бы вернуться к вопросу о том, почему адресант выражает намерение говорить в ироничной манере, вместо того чтобы напрямую передать собеседнику соответствующую информацию. Если принять во внимание фрагменты диалогического взаимодействия, анализируемые ниже, можно установить, что ключ к решению этой проблемы кроется в косвенном мотивационном эффекте иронического высказывания. Косвенно побуждая собеседника отмежеваться от стимулирующего высказывания, говорящий субъект, таким образом, не может напрямую определять ход своих мыслей и принимать окончательное решение. Он не находится под влиянием какого-либо внешнего авторитета, а принимает данное решение самостоятельно. Это, очевидно, имеет то преимущество, что адресант не занимает позицию, которая отпугивает собеседника. Напротив, собеседнику остается самому обнаружить возникшие несоответствия, найти выход из положения. Таким образом, говорящий субъект может ожидать, что собеседник будет действовать определенным образом, поскольку ироническая беседа ведется на основе общего эпистемологического фундамента, убеждений и норм. Следовательно, адресант может предсказать реакцию собеседника с большей или меньшей степенью вероятности.

Чтобы продемонстрировать, как эти закономерности срабатывают в диалогическом взаимодействии, приведем фрагмент из драматического текста. Хотя это разговор персонажей, вымышленный автором, его «как будто» характер раскрывает функциональные аспекты, которые мы стремимся проследить. Можно обоснованно ожидать, что функциональные возможности приведенного фрагмента с такой же вероятностью будут проявляться и в контексте реальной спонтанной диалогической коммуникации. Ср. разговор двух задержанных в полицейском участке после того, как один из сотрудников (Сергей) неожиданно и без всяких на то оснований спел гимн Москвы:

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: ... Просто я, кажется, скоро тоже буду петь гимн Москвы, как Сергей.

ЧЕЛОВЕК ИЗ МЫТИЩ: ... Будешь, куда ты денешься. Они тебя еще заставят гимн Подоль-

ска выучить. А гимн Щербинки самому написать.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДОЛЬСКА: Все это интересно [1, с. 38].

Реакцию собеседника не стоит воспринимать за чистую монету. При естественных обстоятельствах само собой разумеется, что человек, задержанный в полицейском участке, не испытывает потребности петь, учить и сочинять торжественные песни. Произнеся это утверждение, Человек из Мытищ намеренно противоречит данному распространенному мнению. Он проецирует несоответствие между заурядной оценкой текущей ситуации и своим притворным убеждением, выраженным в реагирующей реплике, что неизбежно производит иронический эффект.

Человек из Подольска сразу же осознает это несоответствие, поскольку он разделяет общепринятое убеждение в том, что в данной ситуации общения отсутствует повод для пения, а также изучения и сочинения песен. В связи с этим он пытается устранить это несоответствие, отмежевывается от содержания утверждений собеседника. Таким образом, в данном случае диссоциация когнитивного состояния первого собеседника (Человека из Подольска) может выглядеть следующим образом: (абсурдность оценки ситуации) → (саморазобщение первого собеседника): будучи задержанным в полицейском участке, человек не испытывает причины петь, учить и сочинять торжественные песни.

Процесс разобщения когнитивного состояния Человека из Подольска, реагирующего на ироническое абсурдное суждение, систематизируется на схеме 2.

Схема 2.

Разобщение когнитивного состояния собеседника при реагировании на ироническое абсурдное высказывание

Ход рассуждений первого собеседника с учетом естественного положения дел:

Пресуппозиция 1	Если человек задержан полицейскими и доставлен в полицейский участок, ему, как правило, грустно в силу сложившейся ситуации (общепринятое мнение).
Пресуппозиция 2	Если человеку грустно, он обычно желает почувствовать себя лучше.
Пресуппозиция 3	Если человек откроется собеседнику, он действительно может почувствовать себя

лучше.

Вывод: Если человеку грустно, это может помочь открыться собеседнику.

Как свидетельствует финальная реплика первого собеседника, ход его мыслей не заканчивается формированием стандартных убеждений. Напротив, после восстановления равновесия в общении стандартное убеждение служит отправной точкой для дальнейших размышлений. В проанализированном выше примере это становится очевидным благодаря пресуппозициям 2 и 3, которые основаны на стандартном мнении, выраженном в пресуппозиции 1. Применительно к данному конкретному фрагменту это может означать, что Человек из Подольска не только вынужден признать, что он находится в состоянии депрессии, но и открыться собеседнику в надежде на облегчение, поддержать его ироническую диалогическую игру.

Фрагмент диалога, представленный выше, демонстрирует потенциальную мотивационную силу иронических высказываний в спонтанном межличностном взаимодействии. Само собой разумеется, что ирония в языковом употреблении – это в значительной степени сложное языковое средство, которое не ограничивается мотивационной функцией, описанной выше. Напротив, собеседники могут с таким же успехом задействовать иронические приемы, которые подразумеваются традиционными подходами. Без сомнения, можно предположить, что говорящий субъект прибегает к ироническим высказываниям с целью избежать прямой критики или высмеивания третьей стороны. Тем не менее очевидно, что монологические модели не способны охватить весь спектр коммуникативных функций, которые потенциально могут быть задействованы в диалогическом взаимодействии. Анализ изолированных речевых актов вне их взаимосвязи с последующими репликами как таковой не является полным.

Преодолев искусственность структурной и генеративной лингвистики, современные языковедческие теории должны взять за отправную точку использование языка в условиях конкретного контекста. Как следствие, категории говорящего субъекта и его собеседника должны быть вовлечены в анализ, чтобы можно было прийти к релевантному осознанию того, что на самом деле происходит в реальной спонтанной диалогической коммуникации. Именно взаимная зависимость между стимулирующим речевым действием и реакцией при использовании языка является

основной отправной точкой для дальнейшего анализа. Кроме того, мы должны осознавать, что собеседники, возможно, задействуют неограниченный набор коммуникативных средств. Что касается использования иронических высказываний, это означает, что мы не должны ограничивать лежащий в их основе лингвистический прием элементарно реализуемым сдвигом, который неявно наделяет высказывание противоположным смыслом. Помимо вербальных средств, собеседники могут использовать специально выделенный тон голоса или определенный язык тела, чтобы подчеркнуть ироничность своих высказываний. Поэтому считаем необходимым задействовать диалогический аспект в русистике, чтобы прийти к более многомерному осознанию объекта нашего изучения – русского языка в его употреблении. На этой основе открывается плодотворная перспектива изучения иронических высказываний, которую, по-видимому, стоит использовать в будущих лингвистических исследованиях.

Список источников

1. Данилов Д. «Человек из Подольска» и другие пьесы. М.: ИД «Городец», 2021. 254 с.
2. Levinson S. C. The dark matter of pragmatics. Known unknowns. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 62 p.
3. Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2014. 304 с.
4. Квинтилиан М.Ф. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб: Типография Императорской Российской Академии, 1834. 328 с.
5. Черданцева И. В. Ирония: от понятия к методу философствования, или до чего доводят исследователей насмешки. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 166 с.
6. Иванова И. Н. Ирония в поэзии русского модернизма (1890–1910 годы). Ставрополь: СГУ, 2006. 420 с.
7. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М.: Азбука, 2022. 301 с.
8. Шумкова Т. Л. Ирония в русской литературе первой половины XIX в. в свете традиций немецкого романтизма. М.: Флинта, Наука, 2007. 370 с.
9. Данилов Д. Саша, привет! М.: АСТ, 2022. 248 с.
10. Султанова Р. М. Сопоставительный анализ стилистических средств выразительности в русском и таджикском языках: сравнение и эпитет. Душанбе: РТСУ, 2020. 122с.
11. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. М.: Флинта, 2011. 204 с.
12. Бочина Т. Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Казанский университет, 2002. 196 с.

References

1. Danilov, D. (2021). *“Chelovek iz Podol’ska” i drugie p’esy* [“The Man from Podolsk” and Other Plays]. 254 p. Moscow, AST. (In Russian)
2. Levinson, S. C. (2024). *The Dark Matter of Pragmatics. Known Unknowns*. 62 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)
3. Shilichina, K. M. (2014). *Semantika i pragmatika verbal’noi ironii* [Semantics and Pragmatics of Verbal Irony]. 304 p. Voronezh, Nauka-Unipress. (In Russian)
4. Quintilian, M. F. (1834). *Dvenadtsat’ knig ritoricheskikh nastavlenii* [Twelve Books of Rhetorical Instructions]. 328 p. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii. (In Russian)
5. Cherdantseva, I. V. (1999). *Ironiya: ot ponyatiya k metodu filosofstvovaniya, ili do chego dovodyat issledovatelei nasmeshki* [Irony: From the Concept to the Method of Philosophizing, or What Ridicule Leads Researchers to]. 166 p. Yekaterinburg, bank kul’turnoi informatsii. (In Russian)
6. Ivanova, I. N. (2006). *Ironiya v poezii russkogo modernizma (1890–1910 gody)* [Irony in the Poetry of Russian Modernism (1890–1910)]. 420 p. Stavropol, SGU. (In Russian)
7. Freud, Z. (2022). *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel’nomu* [Wit and Its Relation to the Unconscious]. 301 p. Moscow, AST. (In Russian)
8. Shumkova, T. L. (2007). *Ironiya v russkoi literature pervoi poloviny XIX v. v svete traditsii nemetskogo romantizma* [Irony in Russian Literature of the First Half of the 19th Century in the Light of the Traditions of German Romanticism]. 370 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)
9. Danilov, D. (2022). *Sasha, privet!* [Sasha, Hi!]. 248 p. Moscow, AST. (In Russian)
10. Sultanova, R. M. (2020). *Sopostavitel’nyi analiz stilisticheskikh sredstv vyrazitel’nosti v russkom i tadzhikskom yazykakh: sravnenie i epitet* [Comparative Analysis of Stylistic Means of Expression in Russian and Tajik Languages: Comparison and Epithet]. 122 p. Dushanbe, RTSU. (In Russian)
11. Ermakova, O. P. (2011). *Ironiya i ee rol’ v zhizni yazyka* [Irony and Its Role in the Life of Language]. 204 p. Moscow, Flinta. (In Russian)
12. Bochina, T. G. (2002). *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits* [The Stylistics of Contrast: Essays on the Language of Russian Proverbs]. 196 p. Kazan, Kazanskii Universitet. (In Russian)

The article was submitted on 16.09.2024

Поступила в редакцию 16.09.2024

Аглеева Зухра Равильевна,
доктор филологических наук,
доцент,
Астраханский государственный университет
им. В.Н. Татищева,
414056, Россия, Астрахань,
Татищева, 20 А.
z.agleeva@yandex.ru

Кудряшов Игорь Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Южный федеральный университет,
344008, Россия, Ростов-на-Дону,
Б. Садовая, 105 / 42.
igalk@mail.ru

Agleeva Zukhra Ravil’evna,
Doctor of Philology,
Associate Professor,
V. N. Tatishchev Astrakhan State University,
20 A Tatishchev Str.,
Astrakhan, 414056, Russian Federation.
z.agleeva@yandex.ru

Kudryashov Igor Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Southern Federal University,
105/42 B. Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344008, Russian Federation.
igalk@mail.ru